

НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, СТРУКТУРА

Коняхин Владимир Павлович,
Князькина Анастасия Константиновна

Цель: разработка логически завершенной и внутренне непротиворечивой концепции о сущностных признаках, понятии, видах и структуре нормативных предписаний международного уголовного права, которая не только восполнила бы известный доктринальный пробел, но и стала бы основой для определения путей дальнейшей оптимизации научных исследований в этом направлении.

Методология: общенаучный диалектический, а также частно-научные методы познания — системно-структурный, логико-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и конкретно-социологический.

Выводы: сформулированы дефиниции норм и нормативных предписаний международного уголовного права, осуществлена их классификация в зависимости от способа регулирования и доминирующей цели легального закрепления, определена структура таких нормативных предписаний и выделены особенности образующих ее элементов.

Научная и практическая значимость. Полученные результаты расширяют и углубляют теоретические представления о понятии, классификации и структуре нормативных предписаний международного уголовного права. Эти результаты, по сути, одна из первых попыток экстраполяции базовых положений общей теории права на специфическую «материю» международного уголовного права.

Прикладная ценность полученных выводов заключается в возможности их использования в законотворческой деятельности в процессе имплементации нормативных предписаний международного уголовного права в российское национальное законодательство. Они могут быть использованы в учебном процессе в юридических вузах страны при преподавании курсов уголовного и международного уголовного права, а также в работе по повышению квалификации сотрудников судебной и правоохранительной систем.

Ключевые слова: международное уголовное право, норма, нормативное предписание, виды нормативных предписаний, способ регулирования, доминирующая цель, структура нормативных предписаний, гипотеза, диспозиция, санкция.

Приступая к рассмотрению вопроса о понятии нормы (нормативного предписания) международного уголовного права, следует, прежде всего, отметить, что методологической основой для его решения служат соответствующие базовые положения общей теории права [1, с. 81–118; 2, с. 31–81; 3, с. 569–584; 4, 115–130; 5, с. 371–386; 6, с. 242–249] и результаты ранее проведенных авторских профильных исследований в данной области [7, с. 176–253; 8, с. 196–269].

Экстраполируя их на международное уголовное право, можно резюмировать следующее. Понятие

«норма» или «нормативное предписание» в международном уголовном праве с известными оговорками можно признать эквивалентными. При прочих равных условиях удобнее использовать указанные понятия в «тандеме». При этом понятие «норма» целесообразнее употреблять для обозначения виртуальной (логической) нормы, а «нормативное предписание» — для обозначения реальной нормы, отраженной в той или иной структурной единице текста соответствующей международной конвенции. Изложенное позволяет сформулировать следующие дефиниции анализируемых понятий.

Нормативное предписание международного уголовного права — это закрепленный в рамках отдельного тезиса, пункта части статьи, части статьи или статьи конвенции структурный элемент (субэлемент) *нормы международного уголовного права, который содержит* описание наиболее общих и (или) специфических признаков конкретных преступлений по международному уголовному праву и наказаний либо иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных за их совершение.

Норма международного уголовного права — это совокупность (система) нормативных предписаний, регламентирующих поведение участников общественных отношений, связанных с совершением преступления по международному уголовному праву и назначением за него наказания либо иной меры уголовно-правового характера. *В том, что нормы международного уголовного права — это результат согласования и взаимообусловленности волеизъявлений двух или более государств (участников договорных отношений), и состоит их главное отличие от норм внутригосударственного права.*

По способу регулирования нормативные предписания международного уголовного права подразделяются на управомочивающие, обязывающие и запрещающие.

Управомочивающие нормативные предписания, как правило, закрепляются в Общей части международного уголовного права и наделяют участников регламентируемых ими отношений субъективными правами. Другими словами, они указывают на возможность активного использования предоставленных ими дозволений. Например, п. «с» ч. 1 ст. 31 Римского статута Международного уголовного суда от 7 июля 1998 г. (далее для краткости — Римский статут), предоставляет любому лицу право на необходимую оборону («самозащиту»), если «это лицо действовало разумно для защиты себя или другого лица или, в случае военных преступлений, имущества, которое является особо важным для выживания данного лица или другого лица, либо имущества, которое является особо важным для выполнения задачи военного характера, от неизбежного и противоправного применения силы способом, соразмерным степени опасности, угрожающей этому лицу или другому защищаемому лицу или имуществу». Сходным, по сути, является и нормативное предписание о праве на причинение вреда в состоянии крайней необходимости («вынужденной ответной реакции»), которое закреплено в п. «d» ч. 1 ст. 31 Римского статута.

Обязывающие нормативные предписания обязывают субъекта уголовно-правовых отношений

к тому или иному виду активного поведения и реализуются в форме исполнения либо применения. Их главными адресатами преимущественно выступают должностные лица международных или национальных судебных и правоохранительных органов. К примеру, согласно ст. II Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г., в случае совершения какого-либо из указанных преступлений, положения Конвенции «применяются к представителям государственных властей и частным лицам, которые выступают в качестве исполнителей этих преступлений или соучастников таких преступлений, или непосредственно подстрекают других лиц к совершению таких преступлений, или участвуют в заговоре для их совершения, независимо от степени их завершенности, равно как и к представителям государственных властей, допускающим их совершение». Аналогичное нормативное предписание зафиксировано и в ч. 1 ст. 78 Римского статута: «При определении меры наказания Суд в соответствии с Правилами процедуры и доказывания принимает во внимание такие факторы, как тяжесть преступления и личность осужденного».

Близки к обязывающим, но не сводятся к ним **запрещающие нормативные предписания**, которые характерны прежде всего для Особой части международного уголовного права. Они возлагают на субъекты уголовно-правовых отношений обязанность пассивного поведения — воздержания от совершения определенных действий — и реализуют требования международных конвенций. Такие нормативные предписания формулируются по-разному, в зависимости от того, к кому они обращены — к физическим лицам или представителям правоприменительных органов. В первом случае запреты выражаются косвенно, путем упоминания о неблагоприятных последствиях их несоблюдения. Иллюстрацией этому может служить ст. IV Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.: «лица, совершающие геноцид, ...подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по Конституции правителями, должностными или частными лицами».

Во втором случае запреты получают прямую форму словесного воплощения. Так, в ч. 1 ст. 20 Римского статута установлено, что «никакое лицо не может быть судимо Судом за деяние, составляющее основу состава преступления, в отношении которого данное лицо было признано виновным или оправдано судом».

По доминирующей цели легального закрепления нормативные предписания международного уголовного права дифференцируются на декларативные, дефинитивные, деколлидирующие, регулятивные, охранительные и поощрительные.

Декларативные нормативные предписания (служат, главным образом, интегративно-мировоззренческой цели. В них находят свое непосредственное воплощение, объективируются основные принципы международного уголовного права, т.е. руководящие идеи, начала, стратегические задачи (мировоззренческий момент) всей остальной совокупности его предписаний (интегративный момент). Обладая наивысшей степенью обобщенности, декларативные предписания определяют общие границы поведения своих адресатов, применяются через все конкретизирующие их нормы, «задают тон» уголовно-правовому регулированию, составляя его концептуальную основу. Так, в ст. 20 Римского статута провозглашается *принцип справедливости* — *non bis in idem* (нельзя дважды за одно и то же), а в ст. 22 и 23 — принцип законности: *nullum crimen, nullum poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе).

Дефинитивные нормативные предписания подчинены, прежде всего, **закрепительно-ограничительной** цели, поскольку в них фиксируются основные понятия международного уголовного права и тем самым устанавливаются общепланетарные пределы уголовно-правового регулирования. Дефинитивные нормативные предписания устанавливают легальные определения тех или иных понятий международного уголовного права и играют роль своего рода «трафаретного указателя», с помощью которого обеспечивается единообразие в понимании и применении многих других уголовно-правовых предписаний. В качестве примера можно привести п. «b» ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.: «“серьезное преступление” означает преступление, наказуемое лишением свободы на максимальный срок не менее четырех лет или более строгой мерой наказания». Сюда же нужно причислить и п «e» Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.: «“доходы от преступления” означают любое имущество, приобретенное или полученное, прямо или косвенно, в результате совершения какого-либо преступления».

Деколлидирующие нормативные предписания нацелены на преодоление противоречий и несогласованностей, возникающих в ходе реализации всех остальных нормативных предписаний международного уголовного права. Одни из них

(*пространственные*) призваны «погасить» возможные конфликты между предписаниями, входящими в состав норм, действующих в разных территориальных сферах. Примером может служить нормативное предписание, предусмотренное ст. 95 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.: «военные корабли пользуются в открытом море полным иммунитетом от юрисдикции какого бы то ни было государства, кроме государства флага». Другие нормативные предписания (*темпоральные*) направлены на устранения противоречий между предписаниями, составляющими нормы, действующие в разных временных интервалах. В качестве иллюстрации можно привести ст. 11 Римского статута: «Суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершенных после даты вступления в силу Статута» (п. 1). «Если же какое-либо государство становится участником Статута после его вступления в силу, Суд может осуществлять свою юрисдикцию лишь в отношении преступлений, совершенных после даты вступления в силу Статута для этого государства, если только это государство не сделает заявление согласно пункту 3 статьи 12» (п. 2). Будучи «метанормами», «фактором самосохранения» правовой системы, «регулятором при выборе закона», деколлидирующие нормативные предписания международного уголовного права применяются опосредованно, отвечая на вопрос, какое из коллидирующих предписаний (норм) нужно применять в конкретной ситуации.

Регулятивные нормативные предписания направлены, в первую очередь, на упорядочение, организацию тех общественных отношений (главных и субсидиарных), которые имеют непосредственное значение для международного уголовного права. Они составляют самую многочисленную группу нормативных предписаний, закрепленных в Общей части международного уголовного права. Например, ст. 32 Римского статута регламентирует правила освобождения от уголовной ответственности при наличии ошибки в факте или ошибки в праве, а ст. 33 — при наличии приказа начальника или предписания закона.

Охранительные нормативные предписания преследуют в качестве ведущей цель защиты, охраны международного правопорядка в целом либо отдельных сфер такого правопорядка. Статус охранительных, в частности, принадлежит, прежде всего, подавляющему большинству нормативных предписаний Особой части международного уголовного права, которые устанавливают ответственность за конкретные преступления. Кроме

того, сюда нужно отнести целый ряд нормативных предписаний Общей части последнего, которые:

1) формируют содержание карательного (а не процедурного) элемента отдельных видов наказания (см., например, ст. 77 Римского статута, предусматривающую конкретные виды основных и дополнительных наказаний);

2) указывают на недопустимость тех или иных вариантов поведения своих адресатов, подлежащих учету в качестве отягчающих обстоятельств (см., например, ч. 5 ст. 3 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств или психотропных веществ от 20 декабря 1988 г., которая включает в число вариантов такого поведения: совершение преступления организованной группой, применение насилия или оружия, должностное положение виновного лица, вовлечение или использование несовершеннолетних и др.;

3) призывают своих адресатов к борьбе с преступными посягательствами путем использования права на необходимую оборону либо крайнюю необходимость (п. «с», «d» ч. 1 ст. 31 Римского Статута), а также на задержание лица, совершившего преступление (п. 2 ст. 2 Конвенции СЕ о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.).

Поощрительные нормативные предписания посвящены, главным образом, стимулированию позитивного поведения со стороны лиц, совершивших (совершающих) международное преступление или преступление международного характера путем частичного или полного их освобождения от соответствующих тягот и лишений. Такие предписания встречаются как в Общей, так и в Особенной частях международного уголовного права. Например, ст. 1 Рекомендации Rec (2003) 22 Комитета министров Совета Европы «Об условно-досрочном освобождении» от 24 сентября 2003 г. устанавливает, что условно-досрочным освобождением признается освобождение лица, отбывающего лишение свободы, раньше назначенного срока с наложением на данное лицо с учетом особенностей его личности обязанностей, которые оно должно соблюдать после освобождения. Сюда же следует отнести и предписание ст. 26 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г., согласно которой: «Каждое государство-участник принимает надлежащие меры для того, чтобы поощрять лиц, которые участвуют или участвовали в организованных преступных группах, к:

а) предоставлению информации, полезной для компетентных органов, в целях расследования и доказывания в связи с такими вопросами, как:

i) идентификационные данные, характер, членский состав, структура, местонахождение или деятельность организованных преступных групп;

ii) связи, в том числе международные связи, с другими организованными преступными группами;

iii) преступления, которые совершили или могут совершить организованные преступные группы;

б) предоставлению фактической, конкретной помощи компетентным органам, которая может способствовать лишению организованных преступных групп их ресурсов или доходов от преступлений». Кроме того, согласно п. 2 и 3 ст. 26 названной Конвенции, каждое государство-участник рассматривает вопрос о том, чтобы предусмотреть возможность смягчения, в надлежащих случаях, наказания обвиняемого лица, которое существенным образом сотрудничает в расследовании или уголовном преследовании в связи с каким-либо преступлением, охватываемым Конвенцией, а также возможность предоставления иммунитета от уголовного преследования лицу, которое существенным образом сотрудничает в расследовании или уголовном преследовании в связи с преступлением, охватываемым Конвенцией.

Переходя к анализу *структуры* нормативных предписаний международного уголовного права, следует сразу отметить, что она варьируется в зависимости от их принадлежности к его Общей или Особенной частям. Первые содержат в себе гипотезу и диспозицию, вторые — диспозицию и санкцию.

Гипотеза нормативных предписаний Общей части определяет условия и сферу применения нормы международного уголовного права, описывает ее субъектный состав, а также юридические факты, порождающие регулируемые ею общественные отношения.

Исходя из конструкции, различаются простые и сложные (*альтернативные* и *кумулятивные*) гипотезы. Особенность простых гипотез заключается в том, что действие нормативного предписания ставится в зависимость от одного условия или фактического обстоятельства. Такая гипотеза представлена, например, в ст. 11 Римского статута: Суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений (*диспозиция*), совершенных после даты вступления в силу Статута (*гипотеза*). Сложные гипотезы предполагают зависимость от нескольких условий (фактических обстоятельств). При этом альтернативная гипотеза связывает применение нормы международного уголовного

права с наличием одного из двух или нескольких условий, а кумулятивная — сразу с совокупностью условий либо фактических обстоятельств. *Альтернативную* гипотезу содержит, к примеру, ст. 5 Конвенции о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 г., которая связывает право государства — участника Конвенции осуществлять свою юрисдикцию в отношении захвата заложника, если преступление совершено (*гипотеза*): а) на его территории или на борту морского или воздушного судна, зарегистрированного в этом Государстве; б) любым из его граждан или, если указанное Государство считает это целесообразным, лицами без гражданства, которые обычно проживают на его территории; в) для того чтобы заставить это Государство совершить какой-либо акт или воздержаться от его совершения; д) в отношении заложника, который является гражданином указанного Государства, если это Государство считает это целесообразным. *Кумулятивную* гипотезу содержит ст. 28 Римского Статута, согласно которой военный командир или лицо, эффективно действующее в качестве военного командира, подлежит уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, совершенные силами, находящимися под его эффективным командованием и контролем либо, в зависимости от обстоятельств, под его эффективной властью и контролем, в результате неосуществления им контроля надлежащим образом над такими силами, когда (*гипотеза*): i) такой военный командир или такое лицо либо знало, либо, в сложившихся на тот момент обстоятельствах, должно было знать, что эти силы совершали или намеревались совершить такие преступления; и ii) такой военный командир или такое лицо не приняло всех необходимых и разумных мер в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования.

В зависимости от степени определенности гипотезы нормативных предписаний Общей части международного уголовного права дифференцируются на определенные и относительно-определенные. В предписании с определенной гипотезой прямо указываются условия его реализации. Например, согласно ст. 26 Римского статута, Суд не обладает юрисдикцией в отношении любого лица, (*и далее гипотеза*) не достигшего 18-летнего возраста на момент предполагаемого совершения преступления. Относительно-определенная гипотеза хотя и называет условия действия соответствующего нормативного предписания, но

предоставляет правоприменителю возможность решать в каждом отдельном случае вопрос о наличии или отсутствии этих условий. Так, в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 31 Римского статута, лицо не подлежит уголовной ответственности, если (*гипотеза*) в момент совершения им деяния, это лицо страдает психическим заболеванием или расстройством, которое лишает его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или сообразовывать свои действия с требованиями закона.

Диспозиция представляет собой центральной структурный элемент, «ядро», «сердцевину», нормативных предписаний Общей и Особенной частей международного уголовного права. Они устанавливают должные (возможные) варианты поведения участников уголовно-правовых отношений, причем в нормативных предписаниях Особенной части традиционно указываются запрещенные варианты такого поведения (т.е. данные варианты поведения устанавливаются от противного).

В зависимости от способов изложения информации диспозиции бывают простыми (назывными), описательными и ссылочными. Простая диспозиция всего лишь называет вариант поведения, не раскрывая его содержания. Применительно к Особенной части международного уголовного права назывные диспозиции ограничиваются лишь констатацией преступности конкретного деяния без расшифровки содержания его признаков. Например, ст. 4 Международной конвенции для защиты всех лиц от насильственных исчезновений от 20 декабря 2006 г. устанавливает, что: «Каждое государство-участник принимает необходимые меры для обеспечения того, чтобы насильственное исчезновение квалифицировалось в качестве правонарушения в его уголовном праве». Описательная диспозиция, напротив, конкретизирует соответствующие признаки преступления. Так, в ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. пиратство определяется как:

«а) любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный:

i) в открытом море против другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту;

ii) против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства;

б) любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, совершенный со знанием обстоятельств, в силу которых судно или летательный аппарат является пиратским судном или летательным аппаратом;

с) любое деяние, являющееся подстрекательством или сознательным содействием совершению действия, предусматриваемого в подпункте «а» или «б».

Крайне редко в международном уголовном праве встречаются и *отсылочные* диспозиции. Например, в ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. указывается, что терроризмом является какое-либо деяние, признаваемое как преступление в одном из договоров, перечисленных в Приложении к Конвенции.

В зависимости от количества предусмотренных вариантов поведения диспозиции нормативных предписаний Общей части международного уголовного права подразделяются на простые и сложные. Простые диспозиции формулируют один вариант поведения, связанный с наступлением условий, предусмотренных в гипотезах соответствующих предписаний. Такая диспозиция представлена, например, в ч. 1 ст. 12 Римского статута, согласно которой ошибка в факте является основанием для освобождения от уголовной ответственности (*диспозиция*), только если она исключает необходимую субъективную сторону данного преступления. Сложные диспозиции (альтернативные и кумулятивные) устанавливают два или более вариантов поведения. При этом альтернативные диспозиции предполагают выбор одного из перечисленных вариантов поведения, а кумулятивные — двух и более вариантов поведения, одновременно осуществляемых при наличии соответствующих юридических фактов. *Альтернативная* диспозиция содержится в ч. 1 ст. 77 Римского статута, которая предоставляет суду возможность назначить одну из следующих мер наказания лицу, признанному виновным в совершении преступления, предусмотренного в ст. 5 Статута: «а) лишение свободы на определенный срок, исчисляемый в количестве лет, которое не превышает максимального количества в 30 лет, или б) пожизненное лишение свободы в тех случаях, когда это оправдано исключительно тяжким характером преступления и индивидуальными обстоятельствами лица, признанного виновным в его совершении».

Кумулятивная диспозиция содержится в ч. 2 ст. 77 Римского статута, которая управомочивает Суд,

помимо лишения свободы, назначить: «а) штраф в соответствии с критериями, предусмотренными в Правилах процедуры и доказывания; и б) конфискацию доходов, имущества и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления, без ущерба для прав *bona fide* третьих сторон».

Применительно к нормативным предписаниям Особенной части международного уголовного права в простых диспозициях элементы составов преступлений формулируются *одномерно*. В частности, ст. 1 Дополнительного протокола к Конвенции о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины, касающийся запрещения клонирования человеческих существ, от 12 января 1998 г. предусматривает посягательство на *один объект* (достоинство человека), *одно деяние* (вмешательство с целью создания человеческого существа, генетически идентичного другому человеческому существу), *одну* (умышленную) *форму вины и одного* (общего) *субъекта* этого преступления.

В сложных диспозициях составы преступлений формулируются (хотя бы на уровне одного их элемента) *многомерно*. При этом диспозиции, предусматривающие составы с альтернативно указанными признаками, предполагают выбор одного из них. Например, ст. 2 Конвенции о борьбе с торговлей людьми и эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 декабря 1949 г. устанавливает преступность: 1) содержания дома терпимости или 2) управления им или 3) сознательного финансирования дома терпимости. Таким образом, объективная сторона данного преступления характеризуется рядом *альтернативных действий*, совершение хотя бы одного из которых уже является достаточным для привлечения лица к ответственности.

Санкция — это структурный элемент нормативного предписания Особенной части международного уголовного права, устанавливающий неблагоприятные последствия в случае нарушения предусмотренного его диспозицией правила поведения, связанного с несовершением конкретного преступления.

Проведенный анализ указанных санкций свидетельствует о том, что они по своей сути являются отсылочными. Как правило, в них лишь в самой общей форме провозглашается наказуемость или указывается степень наказуемости того или иного преступного деяния. Как исключение, в отдельных из них лишь упоминается конкретный вид (например, лишение свободы — ст. 36 Единой конвенции о наркотических средствах от 30 марта

1961 г.) либо виды наказаний (например, личный арест, штраф – ст. 12 Конвенции об охране подводных телеграфных кабелей от 14 марта 1884 г.), но без расшифровки их сроков и размеров. В любом

случае конструирование санкции в окончательном и полном варианте делегируются внутринациональному законодателю каждого из государств – участников соответствующей конвенции.

Литература

1. *Алексеев С.С.* Структура советского права. М.: Юрид. лит-ра, 1975. 263 с.
2. *Алексеев С.С.* Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит-ра, 1982. 359 с.
3. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Зерцало, 2004. 800 с.
4. *Сырых В.М.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юстицинформ, 2012. 704 с.
5. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрайт, 2019. 578 с.
6. *Лазарев В.В., Липень С.В.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2020. 521 с.
7. *Коняхин В.П.* Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. 346 с.
8. *Коняхин В.П., Жук М.С.* Структура уголовного права // Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс в 10 т. Т. 2: Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. 649 с.

References

1. *Alekseev S.S.* Struktura sovetskogo prava [Structure of Soviet law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1975. 263 p. (In Russian)
2. *Alekseev S.S.* Obshchaya teoriya prava. [General theory of law]. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, Yurid. lit. Publ. Moscow, 1982. 359 p. (In Russian)
3. *Marchenko M.N.* Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov [Theory of state and law: Textbook for universities]. Moscow, Zertsalo Publ., 2004. 800 p. (In Russian)
4. *Syrykh V.M.* Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov [Theory of state and law: Textbook for universities]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2012. 704 p. (In Russian)
5. Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov [Theory of state and law: Textbook for universities]. Ed. V.K. Babaev. Yurait Publ., 2019. 578 p. (In Russian)
6. *Lazarev V.V., Lipen' S.V.* Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnik dlya vuzov [Theory of state and law: Textbook for universities]. Moscow, Yurait Publ., 2020. 521 p. (In Russian)
7. *Konyakhin V.P.* Teoreticheskiye osnovi postroeniya Obschey chasti rossiyskogo ugolovno go prava [Theoretical principles of the construction of general part of Russian criminal law]. St-Petersburg, Yurid. tsentr Press Publ., 2002. 346 p. (In Russian)
8. *Konyakhin V.P., Zhuk M.S.* Struktura ugolovno go prava [Structure of criminal law]. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskii kurs v 10 t. T. 2: Sistema, istochniki i struktura ugolovno go prava. Printsipy ugo-lovno go prava [Criminal law. Common part. Pre-step. Academic course in 10 vols. 2: System, sources and structure of criminal law. Principles of criminal law]. Ed. N.A. Lopashenko. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 649 p. (In Russian)